

внимание его привлекла колоритная фигура одного из выдающихся вождей североамериканских индейцев по имени Текумса (в Соединенных Штатах Америки его называют Текумсе), который в начале XIX века сделал попытку объединить индейские племена и задержать наступление белых колонизаторов в глубь материка. Текумсе удалось одержать ряд блестящих побед, но борьба была неравной... В одной из битв он погиб.

В наши дни каждый школьник в США знает имя «великого Текумсе». О нем написаны захватывающие романы, десятки исторических исследований, но еще буквально несколько лет назад он представлялся аме-

риканскому читателю не иначе как кровожадным головорезом, способным на любую подлость и вероломство. И не случайно Уоллес Робб пишет, что его задача состояла не только в прославлении героя, но и в создании правдивого портрета индейского народа — ведь над тем, чтобы исказить представления о нем, потрудились не одно поколение проповедников расовой дискриминации и авторов бульварных романов.

У. Робб — поэт. Он желает донести до читателя красоту индейского фольклора и раскрыть в нем большую душу народа, коренного обитателя Америки. Правда, сделать это не просто. Языковой барьер очень труден: большинство индейских слов чрезвычайно многозначны, и в них очень прочны ассоциативные нити, протянутые к мифам, неизвестным читателю индейцу. Одно такое слово вызывает у индейца подчас целую вереницу образов, а соответствующее по смыслу английское слово не несет этой поэтической нагрузки. Естественно, перевод потребовал дополнительных комментариев, занимающих, кстати сказать, в книге 10—15 процентов текста. Но несмотря на трудности У. Робб сумел сохранить оригинальную образность и сложную, изящную ритмику стихов и поэтической прозы индейских народных преданий.

Книга У. Робба — не просто соединение разрозненных легенд и мифов. Автор создает композиционно стройное, цельное произведение с несколькими сюжетными узлами. Через всю книгу проходит трагическая тема любви Текумсы к белой девушке. Напряженно развиваются и отношения Текумсы с братом, честолюбцем, стремящимся к личному возвышению в пору борьбы народа за независимость.

С первых же страниц книги читатель погружается в жизнь и быт индейцев и обретает их образное видение мира. Вот, например, зимнее утро в лесу, каким его видит главный герой:

...Прилив тишины мечту
вызвал снова.
Рассвет вызвал день
для народа лесного,
А день тронул сердце:
увидел я дуб—
Красавец стоял у небес
на виду.
По воле небес он лишился
покрова.
Рассвет вызвал день
для народа лесного,
И в снежную тишь
размечтался я снова...

Так говорит Текумса-влюбленный. Но и Текумса борец за объединение племен — тоже поэт.

Многогранность образа Текумсы, поэтичное изложение легенд индейского народа делают книгу У. Робба не только ценным и интересным трудом, но и замечательным художественным произведением.

Г. Журавлев

УВЯДШИЕ КАМЕЛИИ

Kjeld Abell. Kameliadamen. Skuespil i 3 akter inspireret af Alexandre Dumas' roman af samme navn. København, Thaning & Appels Forlag, 1959.

В свое время роман Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» пользовался огромной популярностью. Но что побудило Къелла Абе-ля,

талантливого и своеобразного драматурга современной Дании, обратиться в своей новой пьесе к мелодраматическим страданиям парижской куртизанки и ее любовника? Объяснения, которые дал по этому поводу сам Абель, вкратце таковы. Однажды, роясь на книжной полке, писатель случайно уронил томик Дюма; перечитал, поставил на место, пренебрежительно пожав плечами. Но герои книги начали преследовать Абе-ля. За спиной двух

героев книги, Маргариты Готье и Армана Дювала, появился третий... Вопрос состоял вот в чем: случайно ли роман написан как бы от первого лица и «разве авторское «я» не является невидимым персонажем книги?» Случайно ли совпадают инициалы героя и автора? Эти домыслы так поразили воображение датского драматурга, что он решил написать драму. Не случайно, по-видимому, она оказалась настолько слабее всего ранее созданного Абе-лем,

что остается только диву даваться:

Через все творчество Абеля проходит убежденная неприязнь к буржуазной среде с ее ханжеством и компромиссами, с ее убогими духовными идеалами и пошлым бытом. Но не сама по себе физиология мещанства является объектом, интересующим драматурга.

Драматург прослеживает ту внутреннюю, не всегда зримую связь, которая существует, по его убеждению, между эгоцентризмом мелкобуржуазного индивидуума и реакцией, фашизмом и войной. Мелкий чиновник Ларсен, с автоматической бездумностью опускавший монетки и в кружку с надписью «Фонд мира», и в кружку с надписью «Фонд обороны», — разве он не был виновен в том, что бешеными темпами велась в предвоенные годы гонка вооружений («Потерянная мелодия», 1935)? Зажиточные обыватели, которые, сидя в уютной гостиной, разглагольствовали о гуманизме и терпимости в то время, как гитлеровские орды поработали Европу, — разве они не были виновны в разразившейся трагедии («Анна Софи Хедвиг», 1939)? А все эти Мартинсенсы и Шмидты, трусливо укрывавшиеся по своим норам, пока боролись и гибли за свободную Данию тысячи патриотов, — разве имеют право они считать себя порядочными людьми («Силькеборг», 1946)? А ученый, полагающий, что борьба напрасна, что история повторяется, что угроза новой атомной войны неминуема, — разве можно ему простить усталость и разочарованность («Дни на облаке», 1947)? Человек и его ответственность за судьбы мира — так, пожалуй, следует определить генеральную тему лучших пьес Абеля, всегда отмеченных высокими раздумьями, стремлением к обобщению, перерастающе-

му в яркий и многозначительный символ.

В «Даме с камелиями» есть и страстное, активное авторское отношение к своим героям, и столь же страстное отрицание буржуазной «свободы личности», и напряженный, интеллектуально насыщенный диалог. Но нет ветра современности и нет самого ценного, что всегда отличало пьесы датского драматурга, — жизнеутверждающего пафоса борьбы, веры в непреходящую победу добрых, светлых сил. «Дама с камелиями» похожа на холодное, пустое здание, хотя опытный архитектор искренне старался согреть его своей увлеченностью. По этому зданию при колеблющемся отблеске свечи бродят герои драмы.

Согласно своей концепции «третьего героя» драматург ввел образ самого Дюма, занявший одно из центральных мест. Иногда он принимает участие в происходящем на сцене, чаще же он выступает как комментатор. Он как бы материализованное отражение внутреннего голоса Дюваля, а быть может, наоборот, Дюваль — это сам Дюма в молодости?

Как всегда у Абеля, центральный женский образ исполнен нравственной чистоты и требовательности к себе и другим. Маргарите Готье ненавистна фальшивая благопристойность, она предпочитает остаться куртизанкой, нежели сделать уступку «общественному мнению» и связать себя узами буржуазного брака. Она — словно белоснежная камелия, увядающая в душной атмосфере светских теплиц. Но она, такая, какой изобразил ее Абель, увяла бы и на свежем воздухе, ибо нет у нее корней, связывающих ее с миром.

Драматург дает точный ответ на вопрос, что погубило Маргариту Готье: общество, в котором во имя чи-

стога приносится в жертву искреннее чувство и мечта о человеческом счастье; те, которым Арман Дюваль бросает обвинение в смерти возлюбленной: «Душа! Что для вас душа? Для вас, с вашими вечными денежными делами».

Страшные силы этого общества остаются вне поля зрения, о них лишь напоминает бесстрастно-монотонный голос аукционера, зачитывающего опись вещей Маргариты. Но не в этом беда. И Маргарита Готье, и Дюма, и его друг Октав, и Арман Дюваль — милые, умные люди, чуткие ко всякого рода несправедливости, ненавидящее общество, в котором им приходится жить, и... абсолютно бездеятельные. Абель, тот самый Абель, который всегда яростно восставал против пассивности и показывал своих героев, прежде всего людьми, чьи слова не расходятся с делом, на сей раз допускает пассивность как норму поведения. Они много и убедительно говорят, они все понимают, но этим их сценическая жизнь и ограничивается.

«Дама с камелиями» имеет все основания стать убедительным примером того, как отход писателя с ранее занимаемых им позиций решительного, боевого вторжения в современную действительность неминуемо влечет за собой снижение художественного мастерства. В «Даме с камелиями» нет динамики характеров, нет борьбы идей в их непосредственном, образном воплощении, нет и действенной сюжетной интриги.

Нет, не доказал Кьелл Абель правомерности своего обращения к роману Дюма. Его «Дама с камелиями», пожалуй, первая серьезная неудача на всем протяжении двадцатипятилетнего творческого пути. Хочется верить, что и последняя.

Вл. Матусевич